

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФИЛИАЛ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИРКУТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОЭКОЛОГИИ

ИНСТИТУТ ЗЕМНОЙ КОРЫ

БАЙКАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ ИРКУТСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

**ЕВРАЗИЯ В КАЙНОЗОЕ
СТРАТИГРАФИЯ, ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, КУЛЬТУРЫ**

Выпуск 1

**ФЕНОМЕН ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
МНОГОСЛОЙНОСТИ БАЙКАЛЬСКОЙ
СИБИРИ**

100 лет Байкальской научной археологии

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной
100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады

УДК 902.6(571.5)(063)
ББК Т4(2Р54)л0
Ф42

Серия основана в 2012 году

Ответственный редактор
д-р ист. наук, проф. Г. И. Медведев

Редакционная коллегия:
д-р геол.-минерал. наук, проф. К. Г. Леви,
д-р биол. наук О. Т. Русинек, ст. науч. сотр. Н. Е. Бердникова,
канд. ист. наук, вед. науч. сотр., доц. О. И. Горюнова,
канд. ист. наук, доц. Е. А. Липнина, науч. сотр. И. М. Бердников,
канд. ист. наук О. Е. Роговской, канд. ист. наук, доц. М. Г. Туров,
канд. ист. наук, науч. сотр. А. Г. Новиков,
канд. геогр. наук, науч. сотр. А. М. Клементьев, науч. сотр. Г. Н. Михнюк

Ответственный секретарь
канд. ист. наук, науч. сотр. В. М. Новосельцева

Перевод
К. В. Храпов, П. В. Храпова

Ф42 **Феномен** геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 258 с. – (Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры ; вып. 1).

ISBN 978-5-9624-0717-3

Сборник содержит материалы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня открытия Б. Э. Петри Улан-Хады, первого в России многослойного археологического объекта, и представляет результаты исследований в области археологии, этнологии и смежных наук.

Издание подготовлено в рамках Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 77 и тематического плана НИР по заданию Минобрнауки РФ 6.3177.2011.

The geoarcheological phenomenon of the Baikal Siberia multilayers. 100 years of the Baikal scientific archeology : the materials of the Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the B. E. Petry Ulan-Khady discovery. – Irkutsk : Publishing house ISU, 2012. – 258 p. – (Cenozoic Eurasia. The Stratigraphy, the paleoecology, the cultures ; N 1).

The work contains the collection of reports of the Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the B. E. Petry Ulan-Khady discovery, the first multilayer archeological object in Russia, and represents the results of the archeological, ethnological and allied sciences research.

ISBN 978-5-9624-0717-3

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2012
© Иркутская лаборатория археологии
и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет назад известный и популярный российский археолог от ленинградской школы палеолитоведения сказал как-то: «Главное, друзья мои, в палеолите – стратиграфия». Годы не изменили сформулированную ситуацию в обратную сторону, но со временем стало очевидным, что и до его слов, произнесенных в 60-е годы, и после них до сего дня развитие геоархеологической стратиграфии происходит не столь скоро, не так масштабно и результативно, как можно было бы предположить. И эта тенденция свойственна далеко не только археологии.

В 1976 г. в свет вышел первый выпуск Международного Стратиграфического справочника (International Stratigraphic Guide). В 1978 г. он был издан в СССР в русском переводе¹. Работа над справочником началась в 1952 г. по решению XIX сессии Международного геологического конгресса в Алжире. Этой дате предшествовали почти сто лет практических работ, симпозиумов, 18 сессий Геологического конгресса, противостояний, предложений, дискуссий. Главный редактор издания и руководитель подкомиссии по стратиграфической терминологии (в последующем – по стратиграфической классификации – ISSC) профессор Х. Д. Хедберг писал в предисловии, что «стратиграфия по своему существу глобальна, и необходимо международное понимание и сотрудничество, чтобы воссоздать общую картину слоев земли, восстановить историю того, как, когда и почему земные слои стали тем, что они есть»². Он писал, что очень немногим известно, через какие тернии прокладывала свой путь подкомиссия все 20 лет работы, противостоя апатии, яростной оппозиции, дебрям национализма, регионализма, традиционализма, консерватизма, радикализма и т. д. «Разнообразие земных слоев и их свойств велико, и все же не больше, чем разнообразие личностей и характеров людей их изучающих... Наши классификации и терминологии не более, чем попытки упорядочить наши понятия и выразить в наших несовершенных концепциях бесконечную сложность природы, им присущи все несовершенства человеческого разума, который их и создает»³. Сведение многих точек зрения на принципы, классификацию, терминологию к единой системе взглядов – процесс медленный и неблагодарный. Но любая публикация в разработках этих проблем есть реальный шаг навстречу растущим требованиям научного знания. Таким необходимым шагом была публикация первого Международного Стратиграфического справочника в 1976–1978 гг. Есть желание видеть в настоящем сборнике статей тоже попытку шагнуть навстречу. Геоархеологическая стратиграфия, принципиально, также глобальна. Международный справочник не смог справиться с главным термином-«упрямцем» – **слоем**. Слой остался в научной терминологии как бы на режиме «вольного употребления», преимущественно фразеологического.

В названии конференции и сборника ключевым термином принят **феномен многослойности**. Термин **слой** – частый гость на страницах большинства статей. То, что геоархеологическая стратиграфия Улан-

---

¹ Международный стратиграфический справочник. Руководство по стратиграфической классификации, терминологии и их применению. М.: Мир, 1978. 226 с.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

Хады в уникальной геоморфологической ситуации байкальской бухты – феномен, было справедливо и в момент открытия, и в процессе 100 лет изучения. Эти позиции изложены в статье О. И. Горюновой «История исследования и значение первого в России многослойного геоархеологического объекта Улан-Хада на Байкале (к 100-летию открытия)». Статус феномена Улан-Хада сегодня сохраняет легко, поскольку документирует теперь еще и четвертый принцип научной стратиграфии (принцип Степанова-Месежникова-Мейена) – объективной реальности и неповторимости стратиграфического подразделения или уникальности стратона⁴. Таким образом, феномен реален и на своем месте.

Со второй половиной ключевого термина – многослойностью – не все так просто. Во-первых, **слои́нность** есть неявно принятое условное определение генетической организации Земли. Отсюда – земные слои, слои земли. Эта «слои́ная природа» дала путевку в жизнь науки всем вариациям слова **слои́й**. И в разных научных дисциплинах бытовое слово **слои́й** – *layer* (англ.), *couche* (фр.) и др. имели и либретто, и партитуру своего или заимствованно-композиционного содержания. Археология – не исключение, но, может быть, именно в археологических исследованиях слово **слои́й** воспиталось поистине своим, родным неотъемлемым термином. Археология вошла в «стратиграфический этап» развития наук о Земле и Человеке вместе со всеми функционерами этой могучей ассоциации исследователей в 90-е годы XIX столетия. Геология, геоморфология, палеонтология все еще продвигаются лабиринтами этого неизбежного и затянувшегося этапа. Археология-геоархеология, числящая себя в этих же рядах, не столько отстала от коллег-естественников, сколько должна была идти и пошла своим путем. «Прекрасную леди» вышеозначенные спутники не слишком баловали вниманием, поскольку она всегда была как бы в стороне и чем-то, вероятно, напоминала Золушку (до поры!). Все науки проходили последовательно «кухонные», «эпические», «региональные» периоды развития⁵. Геология, палеонтология, геоморфология еще в начале XX столетия обнаружили стойкую тенденцию к выходу на международный уровень консолидации знания. Археология как бы не спешила, и столетнее развитие ее происходило в состоянии «регионально-эпическом». Это, с одной стороны, обеспечивало ей внешнюю интересность и внимание мирового сообщества и даже включение «археологического наследия» в международный статус «сохранения» по линии ЮНЕСКО. Но, с другой, она до сего дня остается знанием региональных масштабов, окрашенным в эпические тона ожидаемых и периодически происходящих открытий. Стремление к строгости знания археология испытывала во все времена, параллельно и не очень подражая «естественным» собратьям по цеху земляных изысканий. Но интенсивности и режимного постоянства в создании внутреннего аппарата исследований всегда мешало положение «рубежности» науки между натурными и социальными направлениями общего знания. Своего рода – бимаргинальный синдром. Отсутствие четкого положения археологии в научнодисциплинарном ранжировании сказывалось и в неверном понимании сотрудничества с геологией, якобы для археологии зависимого, и в настойчивой официальной соподчиненности ее общественно-историческим дисципли-

⁴ Практическая стратиграфия. Л.: Недра, 1984. 320 с.

⁵ Мейен С. В. Введение в теорию стратиграфии. М.: Наука, 1989. 216 с.

нам и даже в самодифференциации тематического содержания археологии на первобытную, античную, средневековую и т. д., которую трудно назвать иначе как самопримитивизацией. Только к финалу XX столетия археология начала осознавать неотработанность своей научной индивидуальности. И дело не в отсутствии работы над археологической теорией и над принципами археологического исследования, на службу которым упорно созывает паству благовест одинокого клейнового колокола, уныло разносящийся над Россией последние полвека. Археологи только догадывались, что как геологи работают с неорганическим, палеонтологи – с органическим веществами, так археология работает с третьим – синтетическим – технологическим веществом. Но до сих пор ни в национальных, ни в региональных археологиях не сформулирована позиция археологической науки как «совокупности направлений в глобальном исследовании форм движения видов технологического вещества материи». И одним из важнейших порогов, о которые успешно «запиналось» развитие археологического знания, были понятия **археологическая культура** и средство ее ископаемого выражения – **культурный слой**.

Ни палеокультура, ни культурный слой не могли быть произведены в иной среде, кроме как в археологическом интерьере в силу отмеченной выше дуальной маргинальности науки. Культура несформулированно была и остается для археологов тем веществом, которое отлагалось в геологической среде – литологическом слое – или обязано было формировать свой собственный антропогенный стратон. В геологических отложениях и в наслоениях строительно-бытовых остатков археологи одинаково видят культурный слой. Этот «бином древности» десятилетиями формировал только привычность, но представлялся исключительно рабочей – профессиональной – особенностью науки. Отсюда и всеобщность увлечения палеокультурологией, и убежденность в надежности, незыблемости генеральных – социально-экономических постулатов, и отсутствие поисков иных подходов, и, что более всего опасно, региональные парадигмы самодостаточности и ненужности коллективных теоретических и методических обсуждений. В начале стратиграфического этапа в 90-е годы XIX столетия и первые довоенные 13 лет XX в. вопросы выработки коллективных мнений по классификации, стратификации отложений и культур, по созданию словарей терминов и понятий археологического научного производства живо обсуждались на многих региональных и общеевропейских форумах. Они планировались вперед вплоть до 30-х годов. Сегодня, в первой дюжине лет нового XXI в., археология не может похвастаться ни единым специальным международным совещанием, посвященным вопросам разработки научной археологической классификации, проблемам создания основ стратиграфии ископаемых объектов исследования, формированию международной археологической терминологии. В этом нет, конечно, вины археологических сообществ глобального земного пространства, в этом их откровенная беда.

В первых абзацах предисловия очень кратко означена та малая часть трудностей, которая сопровождает много лет целенаправленные титанические усилия международного сообщества геологов-стратиграфов в упорядочении профессиональных навыков и основ исследования. У археологии все это еще впереди, потому и ключевой термин **геоархеологическая многослойность** взят для сборника в подобной редакции исключительно из

соображений «удобного» понимания излагаемого специалистами-археологами сегодняшнего дня. Глобальная особенность понятия **слои-ность** как образ конструкции земной тверди уже была отмечена. **Слои-стость** всегда была выражением специфики земной коры и сегодня отражает седиментационную динамику и порядок формирования горных пород литосферы земли. Этот термин одинаково принят в геологии, палеонтологии, археологии для свободного пользования. Конструктивной единицей слоистости принят стратон. **Слойчатость** есть подразделение слоистости в условиях седиментации плиоцен-плейстоценового кайнозоя, когда к рыхлому геологическому седименту нахально и неотступно, можно сказать навсегда, «пристроился» (именно пристроился!) седимент технологический, выраженный дисперсией разных концентраций, абрисов и мозаичности выпавших из жизни культурных остатков. В дело вступила более 3,5 млн л. н. антропогеновая седиментация – археологизация – высыпок начального техногенеза. К нашим дням эти первые высыпки – продукты палеотехнологических процессов – разрослись и развернуты в широкомасштабный технологический прессинг, угрожающий существованию огромных массивов литосферных натуральных образований. Элементарной единицей слойчатости принят **слоёк**. Термины *слоёк*, *слойчатость* имеют двойную природу – геологическую и археологическую – и переменную выраженность в разрезах, документирующую неуклонный рост форм и мощностей техногенной составляющей. Слойчатость – характерная составляющая ритмики плиоцен-плейстоценовой криотектоники и осадконакопления текущего голоценового межледниковья. Поэтому в иерархии развития как палеогеологического вещества, так и плейстоценового литотехнологического термины *многослойность* и *слоистость* уже нет оснований применять, как и в археологии следовало бы заменить термины *палеолит*, *мезолит*, *неолит*, но ни геологи, ни археологи без этих терминов обойтись пока не могут. Они приняты в геоархеологии неявно, конвенционально не защищены международными правовыми актами, но остаются фразеологически необходимы.

В статьях публикуемого сборника изложенная выше ситуация выражена достаточно отчетливо. Термины *многослойность*, *слоистость*, *слойчатость*, *мультислойчатость* ощущают себя в них смысловыми синонимами. Они произвольно определены авторами и гипотетически ассоциированы ими в геологическом и археологическом генезисе прежде всего, конечно, в связи с аллювиальными процессами, возможно, и с эоловыми (Е. В. Акимова, Н. И. Дроздов, Н. Е. Бердникова, Г. А. Воробьева и др.). На Енисее, Подкаменной Тунгуске, Ангаре, Байкале, вообще в Северной Евразии ими ретрогнозируются обстановка сезонной аллювиальной аккумуляции геологического вещества и ритмы вписания в эти процессы целевых палеотехноседиментов. В разрезах геоархеологических местонахождений Северной Евразии и в толщах, свободных от ритмов палеотехногенного седиментационного внедрения, достаточно легко распознаются композиции геологических стратонов общей ледниково-тектонической природы, организованные в скульптурные формы рельефа склоновыми, балочными процессами, подсклоновыми, моренно-озовыми движениями, ритмично-экстраординарной жизнью конусов выноса. Молодые речные водотоки Северной Азии, практически все – голоценового возраста, своей эродирующей деятельностью в означенных образованиях бортов древних магистральных

разломов, каньонообразных расщелиний, ступенчатых опусканий создали серию эрозионных уступов разной высоты, которая была принята геологами за бровки аккумулятивных террас и рассматривается таковой до сего дня. Сложные рисунки разных временных стратонаобразований в разрезах геологи квалифицировали слоистыми толщами аллювиальных отложений, распределив их механически между I, II, III, IV «террасами» и так до 120–150 м высоты от тальвегов долин, занятых водотоками⁶. В обстановке сегодняшнего состояния геологии квартала, практически разоренной при полном государственном попустительстве и судорожных попытках палеолитоведения, лишенного средств к плановым тематическим работам, удержаться на плаву разношерстными коммерческими подачками, нет смысла занимать мысли специалистов критикой того, что не могло не состояться в неотвратимой эволюции знания. Необходимо развивать новое дело. «Нептунизм» же, порожденный А. Г. Вернером во второй половине XVIII в., не ослабевая, испускает флюиды своего идеологического воздействия на ученые умы и в XXI столетии. Под знаком Нептуна родились все модификации термина *аллювий*, идея разрушительных воздействий отступающего первичного мирового океана создала парадигму глубоких врезов речных долин в девственные поверхности земли, а врез продуцировал формирование «слоистого речного аллювия», сложенного в уступы террас по бортам долин. Эта парадигма безраздельно владела умами геологов более 200 лет и продолжает процветать на печальных обломках геологии генетических типов отложений кайнозоя в наши дни. Но все учтенные объекты записывались в генетический ряд формирования аллювиальных речных толщ. Байкальская геоархеология уже много лет пытается освободиться от «гидрологических пут», сковывающих оперативную свободу конструктивного соединения ископаемых технологий с палеоландшафтными обстановками. Эта работа должна обрести характер коллективного производства. Надо надеяться, что каждая подобная публикация с коллективным обсуждением все же хоть на шаг будет обеспечивать движение навстречу науке, подаст надежду на то, что на почве «мелкой» проблемы геоархеологической многослойности вырастет здоровое древо стратиграфического знания. Очень разные суждения по предмету геоархеологических изысканий, прежде всего в области будущих геоархеологических правил понимания, описания, прогнозирования исследовательских материалов, «седиментированные» в статьях сборника, наверно, надо считать одним из положительных моментов осознания чрезвычайного положения в науке и необходимости договоренностей в реализации долгосрочных программ работ в упорядочении геоархеологического знания.

Г. И. Медведев

---

⁶ Адаменко О. М., Долгушин Ю. И., Ермолов В. В. Плоскогорья и низменности Восточной Сибири. История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока. М. : Наука, 1971. 320 с.; Логачев Н. А., Ломоносова Т. К., Климанова В. М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. М. : Наука, 1964. 195 с.; Равский Э.И. Геология мезозойских и кайнозойских отложений и алмазаносности юга Тунгусского бассейна // Тр. Геол. ин-та АН СССР. 1959. Вып. 22. 179 с.; Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М. : Наука, 1979. 287 с. и др.